

ПЕЧАЛЬ

Источник: Пантелеймон Романов. Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (<http://belolibrary.imwerden.de>), 20 августа 2002.

I

Вот опять я в своем одиночестве. В далеком уголке среди лесов. Я отыскал себе это местечко, чтобы уходить сюда от городской суеты и мелькания лиц человеческих.

За лесом, на широком расчищенном пространстве стоит двухэтажная дача. И когда идешь по лесу, то в просвет дороги еще издалека виднеются ее белые трубы, березы у окна и елки у балясинка. А за домом, через поле -- дорога в лес. И никого кругом.

Хорошо, если есть такое место, куда можно забиться иной раз от всего на свете. Теперь это мне особенно пригодилось.

Мои милые хозяева трогательно заботливы. Они присматриваются ко мне и спрашивают, почему я так переменялся. Я стал совсем не тот. Может быть, у меня какая-нибудь большая утрата?

Хуже всего, когда спрашивают. И я, отвернувшись к окну, чтобы не видели моего лица, говорю, что у меня нет никакой утраты. Все так, как было. Просто со мной случилась небольшая история, самая обыкновенная. Она задела меня одним только краем. Я как-нибудь справлюсь, и это пройдет.

II

Заходящее весеннее солнце золотит красным золотом верхние окна дачи, верхушки еще безлистных берез и медленно умирает на стволах дальних сосен.

Я беру из-за двери ружье и иду бродить по опушкам.

В апрельском воздухе тишина и весенняя сырая мягкость. В лесных оврагах еще лежит снег, и в чутком воздухе на заре слышно журчание последних лесных ручейков.

Прислонив к старой березе ружье, я сажусь на пенек у заросшей просеки, по которой идет дорога с двумя старыми канавами по сторонам, и смотрю кругом.

По ту сторону оврага за частым осинником заходит солнце. Обнаженные вершины осин повесенному четко виднеются на красноватом фоне заката, который отражается в лужицах от стаявшего снега меж старых пней и кустов порубки.

На груди у меня под курткой шуршит бумага. Это одно письмо, которое я получил на днях, и оно случайно завалялось в кармане. Конверт уже совсем мягкий и протершийся на сгибах.

Этих писем я получать больше не буду...

В пустынности старой дороги, в весенней тишине оживающей природы есть какая-то боль и неясная надежда. И я напряженно прислушиваюсь к каждому звуку, как будто чего-то жду.

Какая-то поздняя птичка однообразно свистит в чаще. Пахнет сырой землей и в теплой струе, потянувшей с поля, -- медовым запахом цветущей ивы.

Она растет близко около меня, на заросшей канаве у дороги. Я подхожу к ней и принимаюсь к нежно-медовому запаху ее цветов, похожих на вербу, но пушистых и осыпанных желтоватой пылью.

Первый запах весны...

Между прочим, в этом письме сказано, что человеку суждено проклятие: подниматься ввысь и жить всей полнотой души своей один короткий момент. А потом от всего остается одна только печаль, печаль о прекрасном, жить которым постоянно не хватает сил. Он во всей полноте чувствует его только тогда, когда оно еще не приходило или уже ушло.

Да, это верно.

Я, задумавшись, долго стою на дороге, смотрю на темнеющее небо, на тихо застывший к ночи лес, потом, повернувшись, иду темным лесом в свой одинокий приют.

В вышине надо мной стоит светлый рог молодого месяца, и рядом с ним горит еще